

The background of the cover is a painting depicting several Cossacks on horseback, silhouetted against a vibrant sunset sky. The Cossacks are wearing traditional hats and holding long poles or spears. The scene is set in a field, with the ground appearing dark and textured. The overall mood is dramatic and historical.

Валерий Марценюк

Трагическая любовь атамана
Артема

Винница, 2010 год

Валерий Марценюк

**Трагическая любовь
атамана Артема**

«Автор»

2010

Марценюк В. П.

Трагическая любовь атамана Артема / В. П. Марценюк —
«Автор», 2010

В этой книге описана трагическая история последних лет жизни куренного Армии Украинской Народной Республики, атамана Артема Онищука, который руководил национально-освободительным движением крестьян Брацлавщины (теперь Тывровский и Немировский районы Винницкой области) в 1920-1921-м годах против большевистской оккупации Украины. Это история украинского патриота коварно обманутого большевистской властью и жестоко преданного любимой женщиной.

© Марценюк В. П., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	6
1. Последний поход Действующей армии УНР	8
2. На родную Брацлавщину	12
3. Декабрьский рейд объединенного отряда	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Марценюк

Трагическая любовь атамана Артема

© Марценюк В.П.

© Изд. «Радиоинформ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

От автора

Мой отец, Марценюк Пантелей Иванович, родился и прожил значительную часть своей сознательной жизни в селе Колюхов, бывшего Брацлавского уезда (теперь Тывровский район Винницкой области).

В своих воспоминаниях, опубликованных в первой части трилогии «Над Бугом-рекой», он упоминал трагическую судьбу известного атамана Артема, руководителя народных восстаний 1920-1921-го года на территории Брацлавщины. При более детальном ознакомлении с этой яркой личностью оказалось, что Артем Евгеньевич Онищук, уроженец соседнего с Колюховом села Соколинцы, является нашим сравнительно недалеким родственником. Так двоюродная сестра отца Анастасия Григорьевна Кулибачук (дочь его родного дяди Григория Марценюка) вышла первый раз замуж за племянника Артема Онищука – Константина Кулибачука, и имела в этом браке двух дочерей – Тамару и Тину. Мать Константина, Татьяна Кулибачук (девичья фамилия Онищук) была родной сестрой Артема.

Наиболее известным и доступным литературным произведением, которое описывает коварное уничтожение атамана Артема и его отряда большевистской властью, является рассказ Ерика Котляра «Конец бандитской вольницы», опубликованное в тенденциозном сборнике рассказов об известных чекистах. Не имея других исторических источников, мой отец в своей книге тоже изложил, почти полностью искаженную советским официозом версию завершения жизненного пути народного атамана. В изложении Е. Котляра, эта история была явно приведена с целью облагородить жестокую коварность образа основной героини рассказа – Эльзы Грундман.

Ознакомившись с другими, но уже документально подтвержденными историческими источниками, я пришел к выводу, о необходимости еще раз раскрыть образы героев истории Котляра совсем с другой их стороны. Исходя из этого, был обработан ряд исторических работ, архивных материалов и других сопутствующих источников с целью определить наиболее исторически-правдивое описание событий, которые привели в декабре 1921-го года к расстрелу Артема Онищука. Конечно, что полностью воссоздать события почти девяностолетней давности не является возможным. Поэтому автором было принято решение подготовить художественное произведение, с его допустимыми отклонениями от линии исторической правды.

Особую признательность автор хочет высказать кандидату исторических наук Константину Викторовичу Завальнюку за предоставленные им материалы, которые основываются на исследовании архивных источников Государственного архива Винницкой области.

В. П. Марценюк

1. Последний поход Действующей армии УНР

21-го ноября 1920-го года Действующая армия Украинской народной республики практически прекратила свое существование. Ряд фатальных ошибок Главного атамана, по сути дублированные командармом Михаилом Емельяновичем-Павленко, который так и не отважился действовать наперекор воли Симона Петлюры, привела к потере инициативы в наступлении, которое развивалось с территории Польши через Винниччину в направлении центральной Украины. Трагедия украинской армии завершилась, однако к завершению трагедии украинского народа еще оставались длинные годы и десятилетия [1].

Куренной Артем Онищук отступал вместе с остатками своего куреня в направлении железнодорожной станции Волочиск, где должна была быть организована переправа личного состава через реку Збруч на территорию Западной Украины, которая отходила к Польской республике. Личный состав куреня за эти десять дней, которые прошли в непрерывных боях, начиная из десятого ноября, сократился в своей численности с четырех сотен до восьмидесяти активных сабель. В том, что красные начнут в скором времени свое наступление на украинские территории, которые отходили им по Рижскому договору, не сомневался никто. Были только некоторые сомнения, что это наступление будет начато именно десятого ноября и именно в семь часов утра.

Командование украинской армии, получив результаты Рижского мирного договора, тоже планировало продолжить наступление с целью дальнейшего освобождения Украины от красного большевистского нашествия. Теперь уже всем стало понятно, что поляки свои территориальные вопросы решили и дальнейшая вооруженная борьба ложится единолично только на плечи двадцатитысячной украинской армии, которой противостояла почти миллионная армия Советской России.

Седьмого ноября на военном совещании в городке Ялтушков командарм армии УНР Емельянович-Павленко объявил о своем решении назначить наступление на 11–12 ноября 1920 года. Перемирие, которое началось между воюющими сторонами 18-го октября 1920-го года, заканчивалось девятого ноября. Казалось, целиком логическим было бы начать военные действия сразу же по завершению срока перемирия уже десятого ноября. Эти действия можно было бы начать и намного раньше, учитывая тот факт, что руководство УНР не было одной из сторон в рижских переговорах, а потому и не брало на себя обязательств по прекращению боевых действий.

Такую позицию отстаивал командир 3-й Железной дивизии армии УНР генерал-хорунжий Александр Удовиченко. Он справедливо заметил, что переговоры в Риге, где украинская сторона была представлена только марионеточным правительством советской Украины, который действовал в Харькове, не могут проходить в интересах украинской государственности. Поэтому подписание мирного договора между поляками с одной стороны и красной Россией из другой приведут только к очередному перераспределению территории Украины между Польшей и Россией. А потому нужно продолжать борьбу и рассчитывать только на собственные силы.

По предложению Удовиченка Армия УНР должна возобновить военные действия тогда, когда будет больше всего шансов на победу. Ожидать результатов конференции в Риге не было никакой необходимости, все было и так полностью ясно. Убедительные аргументы Удовиченка повлияли на командарма Емельяновича-Павленко и он провел опрос командиров дивизий. Результаты опроса побудили командарма отдать приказ армии УНР перейти первого ноября 1920-го года в наступление, чтобы снова броситься на врага, который еще не успел в полной мере оправиться от поражений предыдущей кампании.

Однако, за несколько часов до начала наступления, командарм неожиданно отдал приказ его отложить. Это была уже вторая из ряда наиболее фатальных ошибок руководства УНР, которые и привели к полному поражению национально-освободительного движения украинского народа. Первая фатальная ошибка Симона Петлюры и его окружения в предпоследней освободительной кампании, состояла во втягивании украинской армии в состояние перемирия, в то время, как ее наступление на территории Украины успешно развивалось. К третьей из фатальных ошибок руководства армии УНР можно отнести явную потерю инициативы во времени начала наступления уже после окончания перемирия.

Остатки куреня Артема Онищука ускоренно двигались полевыми дорогами из городка Сатанев в направлении Волочиска. Был расчет выехать на дорогу Проскуров-Волочиск, обойдя справа городок Войтовцы. Всадники были очень утомлены последними боями с превосходящими силами красных и буквально падали с ног. День склонялся к вечеру, поэтому Артем решил остановиться на ночлег где-то за Войтовцами возле выезда на дорогу, чтобы дать своим казакам хоть небольшую передышку.

Конечно, желательно было бы проскочить путь к Волочиску побыстрее, с тем чтобы стать на отдых уже на польской территории. Однако была надежда на то, что и красным нужно отдыхать, а потому и они приостановят свое наступление в ночное время. А утром, только первые лучи солнца объявят о наступлении рассвета, курень не более чем за полчаса пробежит тот десяток километров, которые остались до переправы.

Увидев возле выезда на дорогу Проскуров-Волочиск небольшой сосново-лиственный лесок, Артем дал команду куреню свернуть в тот лесок и остановиться на ночевку. Всадники спешили, привязали коней к стволам окружающих деревьев, начали потихоньку готовить себе нехитрый ужин и стелить постели из листвы и ветвей. Наступила уже третья декада ноября. Подольские ночи становились все прохладнее и прохладнее. Они периодически сопровождались пронзительными ветрами с дождем. Хотя период заморозков еще не начался, однако ночная температура уже иногда снижалась до трех-пяти градусов, что не прибавляло особого комфорта часам ночного отдыха.

Распорядившись через своего помощника выставить внешнюю охрану стоянки, Артем и себе начал готовить место для ночевки. Нашел небольшое углубление между корнями старой липы, наломал ветвей орешника и застлал их сверху пластом сухой листвы. К тому, как готовить постель в лесу, Артем был приучен еще с детства. Недаром он вырос и возмужал в живописном подольском селе Соколинцы, которое раскинулось на одном из берегов реки Южный Буг [2].

По обеим берегам этой реки, как в сторону села Клещев, так и в сторону сел Потуш, Шендеров и Никифоровцы росли неплохие леса и лесочки. И Артем в детстве, сначала с отцом, а затем вместе со своими товарищами блуждал по тем лесам и лесочкам, разыскивая грибы, или ставя ловушки на лесного зверя. Иногда в лесу их заставляла темная ночь, и они часто оставались там на ночевку. Отец с матерью и сестры Артема уже хорошо знали ту привычку сына и брата, а потому особенно не беспокоились, ожидая на его возвращение следующего дня.

Осенняя ночь прошла довольно тихо и спокойно, только со стороны Волочиска доносился приглушенный гул от движения железнодорожных составов и бронепоездов, которые спешно отходили по мосту через Збруч на польскую сторону. С дороги, которая пролегла возле леса, целую ночь доносился скрип множества телег, которые двигались в темноте по направлению к Волочиску.

Когда первые лучи солнца пробились сквозь лесную листву, Артем резво вскочил на ноги, и в лесу громко прозвучала его команда:

- Внимание! Всем быстро подняться и готовить коней.
- За десять минут куренной отдал следующую команду.
- По коням, за мной.

Курень потихоньку выбрался на дорогу и, едва лишь собрался направиться в сторону Волочиска, как кто-то из казаков воскликнул:

– Друже куренной, смотри, там вдали появилась красная конница!

И действительно, со стороны Войтовцев на Проскуровской дороге показалась большая колона конницы. Судя по всаднику в красной фуражке, который летел во главе колонны, это была конная бригада Котовского. Вдруг над куренем Артема и колонной котовцев начала взрываться шрапнель. Это батарея из восьми пушек Железной дивизии открыла огонь по красным.

Поняв, что пушечный огонь своей же артиллерии может накрыть и воинов его куреня, Артем отдал команду свернуть с центральной дороги влево в соседний овраг. В течении нескольких минут остатки куреня спрятались от обстрела в том же лесочке, где провели предыдущую ночь.

Котовцы тоже не пошли в наступление прямо на батарею Железной дивизии, а свернули с дороги вправо и начали обходной маневр с тем, чтобы зайти пушкарям с тыла. Расстреляв все свои заряды, и сокрушив при этом батарею красных, которая неожиданно выскочила из Войтовцев на открытую местность, батарея Железной дивизии начала спешно отступать в сторону Волочиска.

Спешившись в лесочке, Артем организовал круговую оборону из казаков куреня, после чего собрал на лужайке уцелевших сотников и других старшин. Старшины расселись кругом на лужайке, а куренной обратился к ним с такими словами:

– Панове-братья! Все мы видим, что Действующая армия, оказавшись один на один с большевистскими ордами, потерпела сокрушительное поражение. Поляки нас предали и заключили с красными позорный мир, за которым должны нас разоружить, интернировать и бросить в лагеря. Наша задача на сегодняшний день заключалась в том, чтобы отойти на правый берег Збруча и разоружиться. Мы еще можем это сделать, переправившись через реку в удобном для этого месте. Конечно, через мост в Волочiske нам это не удастся, потому что там уже котовцы. Но брод в другом месте найти еще можно, река здесь не очень глубокая и широкая.

– Однако, братья, мы можем показать и грабителям-большевикам, что не все то мед, что им кажется, – продолжил куренной свою речь.

– А потому я хочу предложить вам, панове старшины, другой, более рыцарский выход из этой позорной ситуации. Мы вернемся назад, на территорию наших родных Гайсинщины и Брацлавщины, откуда большинство из вас родом, чтобы продолжить борьбу. Ведь дома и родные стены помогают. Прошу, панове, высказываться, кто какую мысль имеет.

Некоторое время на лужайке стояла трепетная тишина, которую нарушала только едва слышная трескотня выстрелов далекого боя. Эту тишину первым нарушил сотник Галайда:

– Панове казаки! Все мы вместе прошли ту кровавую дорогу, которая пролегла нам с ноября 1919 года, когда под ударами, как белых так и красных мы вынуждены были отступить на польские территории. Тогда мы были союзниками поляков, и они к нам относились с определенным уважением, потому что рассчитывали на поддержку в боях с большевиками. А теперь мы кто для них будем?! Верно, мы будем просто быдлом, будем их холопами, как это было уже не раз в нашей истории. Поэтому я поддерживаю предложение куренного о возвращении в родные места.

Следующим слово взял чотовой Ковальчук:

– Братья! Не хочу я спокойно сидеть где-то на чужбине под караулом польских жолнеров и проникаться мыслью, что дома моих родителей, братьев и сестер грабят проклятые большевики. Поэтому я также голосую за возвращение.

Когда поочередно высказались все старшины, оказалось, что в числе присутствующих нет желающих интернироваться. А потому согласились с возвращением к родным местам. В завершение совета куренной Онищук сказал такое:

– Панове старшины! Ситуация у нас сложилась такая, что с этого момента мы из строевого куреня Действующей Армии УНР превращаемся в самостоятельный повстанческо-партизанский отряд. А потому я не хочу, чтобы в наших рядах кто-то оставался из принуждения. Прошу вас предложить всем казакам, кто желает перейти в Польшу, сообщить об этом мне. Они смогут сегодня же оставить наш лагерь.

Когда утром на следующий день курень Армии УНР, а теперь уже повстанческо-партизанский отряд под началом атамана Артема отправился в обратную дорогу к родным местам, из его рядов отделилось девять всадников, которые повернули своих коней в сторону Збруча.

2. На родную Брацлавщину

Путь, теперь уже повстанческо-партизанского отряда атамана Артема Онищука, пролегал на родную Брацлавщину через городки Ярмолинцы, Виньковцы, Ялтушков, Копайгород, Шпиков, Тывров. Старшине и казакам отряда было понятно, что атаман хочет вернуться в родные места, которые он знал, как пять пальцев на своей руке. Это позволило бы отряду определенное время маневрировать, избегая прямых стычек с большевистскими войсками.

В то же время, полностью таких стычек избежать все же не удавалось. Большевики, освободившие вследствие мира с поляками свои регулярные войсковые части, бросили их на борьбу с остатками Действующей Армии УНР и региональными повстанческими отрядами.

Одним из таких отрядов был отряд Маруси Соколовской, который под давлением превосходящих сил большевиков отступил с родного Горбулева, что под Радомышлем, на территорию Брацлавщины. Ситуация заставила атаманов Артема и Марусю объединиться в борьбе против общего врага.

Кроме отряда Маруси Соколовской в начале декабря 1920-го года к отряду Артема Онищука присоединились также отряды атаманов Лыхо, Якубенко и Винтоненко. Объединенный отряд, под общим командованием Артема, в это время насчитывал больше пяти сотен человек и имел на вооружении целую батарею из восьми пушек [3].

Первая встреча атаманов Артема Онищука и Маруси Соколовской состоялась в доме лесника, который находился возле села Никифоровцы Брацлавского уезда. Дом этот был построен в центре довольно большого леса, который простирался между селами Потуш и Никифоровцы. Дом лесника находился на довольно значительном расстоянии от основных дорог.

Это позволяло Артему надежно организовать охрану, разместив по окраинам леса дозорные посты. Дом лесника с хозяйственными строениями был построен добротно и обеспечивал размещение всех семи десятков казаков отряда Онищука.

Артем и раньше, воюя в отрядах Анания Волинца, встречался с братьями-атаманами Соколовскими. Но их младшую сестру Александру, которая, как атаман, приняла псевдоним Маруся, видел сегодня впервые. Перед ним стояла стройная, небольшая по росту, еще совсем юная девушка, которая была одета по-мужски в теплый полушубок.

Полушубок был перепоясан патронными лентами и поясом, на котором висели кобура маузера и короткая шашка. Первое на что обратил внимание Онищук, так это на острый взгляд глаз атаманиши, который словно бы пронизывал все его естество вопросом – кто ты есть, и могу ли я на тебя положиться в бою? Этот юный взгляд явным образом излучал не женскую кротость, а скорее воинский запал. Образ атаманиши дополнял короткий карабин, заброшенный через ее хрупкое плечо [4].

Атаманиша ездил верхом, как заправский казак и довольно хорошо владел карабином. Как и ее братья, была отважной, а среди повстанцев пользовалась заслуженным авторитетом. Не удивительно, что после смерти братьев она приняла командование над их отрядом.

Александра Соколовская была последним ребенком в семье уже немолодого казака Тимоша Соколовского, который, по ему одному известным причинам, забрел в глухое село Горбулев из Чигирин. Однако, именно в Горбулеве нашел Тимош ту женщину, которая родила ему восьмерых детей. Евдокия, а так звали его жену, походила из довольно богатого рода местных мещан Кваснищих.

Женившись, построил Тимош дом рядом с церковью, в которой устроился работать дьяком. В этой церкви окрестил своих четверых сыновей Степана, Василия, Дмитрия, Алексея и трех дочерей Анну, Веру, Устину, а в декабре 1902 года, четвертую самую младшую Александру.

Рожденные все же в казацкой семье, сыны дьяка Тимоша Соколовского не смогли не стать на защиту украинской государственности в 1918-м году. Первым в руки оружие взял самый младший сын Тимофея – Алексей, которому к тому времени исполнилось всего восемнадцать лет. В конце ноября 1918-го года, услышав призывы Украинского национального союза, он организовал из молодых жителей Горбулева и окружающих сел Корчивки, Слипыць, Головина свой первый отряд и пошел с ним освобождать от гетьманцев уездный городок Радомышль.

Потом пришлось отряду противостоять большевикам, которые пришли грабить украинский хлеб, сахар, масло и сало. На этот раз подняться против грабителей Алексея попросил уездный комиссар Мордалевич, который с этой целью приезжал в Горбулев. Во главе отряда из двух сотен казаков снова пошел тогда Алексей уже большевиков гнать из Радомышля.

К сожалению, судьба отвела Алексею очень короткую жизнь и в январе 1919-го года он погиб. Трагедия произошла в городке Коростышев на мосту через реку Тетерев. Прогнав большевиков из родного уезда, он во главе отряда казаков возвращался из Коростышева в Радомышль. И, вдруг, из соседнего с мостом дома прозвучал смертельный выстрел...

Саблю атамана подхватил старший брат Дмитрий. При нем отряд Алексея Соколовского увеличил свою численность до пяти сотен воинов. Дмитрий не менее упрямо, чем его брат, выкуривал из украинской земли грабительские полки большевиков, которые как саранча ползли и ползли на Украину из голодной России, разрушенной революцией.

Штабом отряда повстанцев к тому времени стал руководить седой, но еще не сломленный своим 67-летним возрастом, отец Тимош Соколовский. Атаманы Алексей и Дмитрий, хотя и были во главе отрядов, однако всегда прислушались к его мудрым советам.

Александра Соколовской к тому времени исполнилось шестнадцать лет. Она только что завершила обучение в четвертом классе Горбулевской гимназии и определенное время учительствовала в церковно-приходской школе. В отрядах братьев Саша выполняла роль связной. Одаренная даром убеждения, она ездила по окружающим селам и агитировала крестьян выступить на защиту своего имущества и жилья. Одевалась Александра в короткую юбку, синюю чумарку, сапоги с острогами и серую шапку с красной лентой. На этой ленте был выписан синими чернилами хорошим каллиграфическим почерком призыв: «Смерть врагам Украины!».

Боевой путь Дмитрия, как и его брата Алексея оказался тоже довольно коротким. На атаманском месте братьев заступил Василий Соколовский, военная дорога которого оказалась еще короче. Неумолимая судьба отвела братьям Соколовским для борьбы с врагами Украины очень мало времени. После гибели Василия, повстанческую бригаду возглавила самая младшая сестра, которая взяла себе имя-псевдоним Маруся. Она имела к тому времени всего только семнадцать лет.

После соединения с другими атаманами объединенный отряд в начале декабря 1920-го года расположился в старых окопах в лесу за десять верст от Гайсина. Этот укрепленный район остался еще со времен войны 1914-го года и предназначался для организации новой линии обороны в случае отступления войск царской армии. Кроме, глубоко вырытых и хорошо укрепленных деревом окопных коммуникаций, здесь также были неплохо построенные блиндажи и огневые точки. Все это позволяло рассчитывать на зимовку отряда в довольно приличных условиях.

Поэтому командование объединенного отряда приняло решение провести подготовку блиндажей и коммуникаций к зимнему базированию. Не затягивая этот вопрос, весь личный состав приступил к приведению базы своего расположения к жилому состоянию. Начались работы по укреплению стен и крыш блиндажей, утеплению помещений и установлению в них дровяных печей. Отдельным подразделениям, которые имели через своих казаков связь с местными крестьянами, удалось даже достать и установить в блиндажах железные печки-буржуйки.

Хозяйственная часть занялась заготовкой провианта, для чего периодически снаряжались продовольственные отряды. Эти отряды, прежде всего, реквизируют продуктовые запасы на близлежащих складах, охраняемых большевистской властью. Продовольственные запасы готовились для отправки в соседнюю Россию.

Конечно, такая деятельность не могла остаться незамеченной властными структурами большевиков, боевые части которых к тому времени, в результате мира с поляками, были полностью брошены на борьбу с остатками армии УНР.

3. Декабрьский рейд объединенного отряда

Однако обживать в теплых блиндажах повстанцам пришлось недолго. Против объединенного отряда атамана Артема командование Красной армии бросило в бой 216-й полк 24-й дивизии. Этот полк имел явный перевес в живой силе над объединенным отрядом, и потому на совете атаманов было решено не вступать с ним в прямые позиционные бои. Атаманы приняли решение применить тактику партизанской рейдовой войны, которая состояла в постоянном изменении места дислокации отряда. Такая тактика должна была дать возможность попробовать избежать полного уничтожения отряда.

Информацию о подготовке карательной операции против повстанцев передал в штаб повстанческого отряда Петр Кендзик – один из работников милиции города Гайсин. Еще в 1917 году он начал работать в Гайсинской уездной милиции под руководством Анания Волинца. Петр все это время добросовестно исполнял свои обязанности по поддержанию революционного порядка в Гайсинском уезде и был оставлен на этой службе и советской властью. В то же время, он в душе искренне сочувствовал борцам за украинскую идею, а потому и не удержался, чтобы не сообщить Артему Онишуку о прибытии в город частей 216-го полка.

В эти дни уездная милиция получила оперативное распоряжение ЧК о необходимости подготовки личного состава в Гайсине, а также в окружающих селах и городках к поддержке наступления 216-го полка на отряд Артема. Получив распоряжение предупредить милицию городка Гранов, Петр сел на своего коня, который был привязан около входа в помещение уездной милиции и направился на окраину Гайсина. Там на улице Яблоневой проживала семья его родного брата Николая. Самого Николая дома не оказалось, была только его жена Анна, дородная женщина среднего возраста и роста, с ярким румянцем на щеках, которая к тому же приходилась Петру кумой по младшему сыну. На дворе возился возле инвентаря один из племянников Петра – Павел.

– Доброго дня Анна! А где это мой непоседливый брат гуляет, что такую ладную жинку оставляет в одиночестве? – осторожно обратился кротким тоном Петр к женщине, зная о ее остром языке.

– И где же он может быть, говорил, что на рыбалку идет, чтобы рыбки на ужин поймать. Но не очень я ему верю. Знаю, что на молодиц он падок, то со временем пойду и проверю в какой пруд он свое удище забрасывает, – также почти шутливо ответила Анна.

– Так ступай, кума, ступай и проверь, а пока что насыпь мне своего вкусного борща. Как тот пес шелудивый проголодался на проклятой работе. И позови сюда Павла, помощь его мне здесь срочно понадобилась. Хочу послать его у Гранов с сообщением для тамошней милиции, – проговорил Петр.

– Да ты что, Петр, он еще совсем ребенок, смотри, что еще там тебе напутает! – не утерпела, чтобы не возразить, Анна.

– Нет уж, извини кума, шестнадцатый годок ему идет. Какой же он ребенок? Пусть приучается к делу, может со временем удастся его к нам на работу пристроить, – возразил куме Петр.

Услышав о работе, Анна больше не стала возражать куму. Насыпала ему большую тарелку дымящегося борща, положила ложку, луковицу, горбушку хлеба, и пошла себе трудиться по хозяйству. Прислушиваясь к диалогу матери с дядей, Павел медленно подошел к столу с немим вопросом в глазах.

– Садись сюда племянник, и послушай меня внимательно. Хорошо отобедай, затем возьми коня и поедешь в городок Гранов к тамошнему начальнику милиции Грищенко. Передашь ему распоряжение приготовить свой отряд самообороны к возможным восьмого числа

боевым действиям между повстанцами, которые находятся в Гайсинском лесу, и красными войсками, – вполголоса начал Петр растолковывать племяннику суть задачи.

– И вот, Павел, дальше слушай очень и очень внимательно. Поедешь в Гранов по дороге, но на обратном пути, когда уже стемнеет, потихоньку повернешь к лесу. Там находится отряд повстанцев под командованием Артема Онищука. Найдешь атамана, и только ему одному без свидетелей, передашь от меня привет. А затем перескажешь ему ту же информацию, которую ты повезешь у Гранов, – завершил Петр свой инструктаж.

– А я успею до вечера вернуться домой? – в глазах у Павла промелькнула нескрываемая боязнь.

– Думаю, что к полночи вернешься. Но имей ввиду – о прогулке лесом никому ни слова, потому что здесь легко можно потерять голову. Хорошо запомнил?! – произнес эти слова, Петр закончил обедать и прытко поднялся из-за стола.

После обеда, Павел чтобы обойтись без очередных наставлений матери, которая возилась возле печи, украдкой прошмыгнул в конюшню, оседлал коня и, подгоняя его прутком, поскакал по дороге в направлении Гранова.

Еще вечером седьмого декабря, не ожидая нападения красных, которое должно, по информации из Гайсина, состояться завтра утром, колона объединенного отряда отправилась в дорогу. Колону, которая растянулась на полкилометра по дороге в направлении села Шура-Бондуривская, на прытком гнедом коне возглавлял сам атаман Артем. За ним двигались казаки его отряда, потом казаки отрядов атаманов Маруси, Винтоненка и Якубенка. В центре колонны располагался конный обоз с провиантом и пушечная батарея с боезапасом. Замыкал колону арьергард казаков атамана Лыхо. Такое расположение колонны объединенного отряда позволяло быстро, в случае нападения красных, развернуть оборону вокруг центрального ядра колонны, которое составлялось из обоза и пушек. Кроме того, голову колонны и ее хвост контролировали наиболее опытные в боевом деле атаманы.

Здесь нужно остановиться на том, что как Артем Онищук, так и атаман Лыхо, совсем не были «отпетыми бандитами», или «матерыми уголовниками», как о том распиналась на всех газетных столбцах и по всем уголках Украины пропагандистская машина советской власти. Такая характеристика подходила быстрее всего к красному герою-комбригу Котовскому, который в те бурные годы противостоял армии УНР и повстанцам. Тот действительно в свое время был и бандитом и «матерым уголовником», получив за это десять лет каторги и судебный приговор к «вышей мере».

В то же время, как Лыхо, так и Артем Онищук были боевыми офицерами сначала царской, а потом армии Украинской народной республики, которые прошли добрую военную подготовку румынского фронта, а потом фронтов армии УНР.

Отдельно следует заметить, что атаман Лыхо (а это было псевдо атамана, истинная фамилия которого была Дорошенко) был в свое время, как и Артем Онищук, кадровым офицером армии УНР. В 1919-м году Симоном Петлюрой ему был присвоен чин подполковника армии УНР, как командиру первого Надбужанского повстанческого полка [5]. Дорошенко был сыном священника Каменец-Подольской губернии, имел к тому времени возраст тридцать три года, знал несколько языков, был бывшим поручиком царской армии. После отступления войск Директории на территорию Польши, Дорошенко остался проживать в селе Четвертиновка, его тестем был Бершадский священник.

В конце 1920-го года Лыхо организовал повстанческий отряд из крестьян сел Четвертиновки, Гордеевки и Леткивка теперешнего Тростянецкого района. Этот отряд по состоянию на девятнадцатое ноября 1920-го года состоял из тридцати бойцов. Однако уже 22-го ноября 1920-го года отряд атамана Лыхо, увеличившись до четырех десятков пеших повстанцев и двадцати всадников, на 37-й версте Христиновской железной дороги (между Белоусовкой и Тростянцем) захватил большевистский поезд, который в местном лесу заготавливал дрова.

Повстанцы подорвали два вагона со снарядами, забрали много оружия и боеприпасов, убили сотрудника Елисаветградского губернского ЧК, который руководил командой поезда, захватили в плен красноармейцев-новобранцев. В ответ на успешные действия повстанцев большевики в селе Леткивка взяли сотню заложников, сожгли одиннадцать домов, а на село наложили контрибуцию в размере пять миллионов карбованцев.

В конце ноября 1920-го года Лыхо провел формально-принудительную (для введения в обман советской власти) мобилизацию в селе Оляница. Все мужское население села стало в ряды повстанцев, благодаря чему его отряд увеличился до четырех сотен. На то время в отряде находился даже бывший помощник начальника милиции городка Тростянец – Белявский, а также какой-то священник, который исполнял обязанности завхоза.

Отряд атамана Лыхо во всем напоминал регулярную военную часть – в нем регулярно проводились строевые занятия, жестко соблюдалась дисциплина (казакам категорически запрещались грабежи, попойки и т. п.). За невыполнения приказов виновных наказывали шомполами, а если это было вторично – то даже и расстрелом.

Почти аналогичная биография была и в атамана Артема. Артем Евгеньевич Онищук родился в 1891 году (по неточным данным) в селе Соколинцы Брацлавского уезда (теперь Тывровский район). Родители его были малоимущими крестьянами, однако смогли обеспечить сыну возможность получить образование, достаточное для дальнейшей работы народным учителем. Артем рос умным и сообразительным мальчиком. Участь в церковно-приходской школе, он интересовался церковной службой, которая в дальнейшем помогла ему в армейской службе [2].

Закончив одногодичный педагогический курс, и получив соответствующее свидетельство, Артем прошел испытание в совете Винницкой церковно-учительской школы, в связи с чем, ему было присвоено звание учителя церковно-приходской школы. Будучи призванным, перед началом войны 1914-го года, в царское войско он в 287-м Жмеринском полку выдал себя за дьяка и отправлял службу в полковой церкви.

После начала империалистической войны Артем воевал на румынском фронте, где стал полным георгиевским кавалером и получил офицерский чин прапорщика. Демобилизовавшись в 1917-м году, Артем вернулся к мирной жизни, и учительствовал некоторое время на Гайсинщине. Однако, уже в конце 1918-го года он, откликнувшись на призывы Анания Волинца, в ноябре того же года вступает в его отряд. А уже девятнадцатого февраля 1919-го года становится сотником четвертой сотни 61-го полка 19-й дивизии Армии УНР [1].

Первым командиром этого полка, который был создан 25-го января 1919-го года на базе куреня имени Симона Петлюры, был назначен подполковник Волинец. В дальнейшем Артем Онищук получил чин куренного армии УНР (приблизительно отвечает должности командира батальона современной армии).

Но снова вернемся к событиям седьмого декабря 1920-го года, когда колонна отряда отправилась в свой рейд. Маршрут объединенного отряда был проложен атаманами в основном через леса Гайсинщины начиная от села Шура-Бондури夫ская. Пройдя через села Верхушку, Васи́ливу, Вязовицу, колонна отряда, под вечер на следующий день восьмого декабря, вышла из лесного массива возле села Бондури夫ка и направилась уже открытой местностью в направлении сел Овраги и Хвостивци (теперь это одно село Ковалевка).

Однако и красные тем временем не дремали. Их командование, получив телефоном сообщения из сел, через которые проходили повстанцы, срочно передислоцировало из Гайсина по железнодорожному пути Гайсин-Винница штабную роту 216-го полка. Роту по тревоге загрузили в два товарных вагона и доставили свободным локомотивом на станцию Витивци, что находилась буквально рядом с селом Овраги. Благодаря оперативной доставке, эта рота успела занять оборону перед селом на пути движения колонны еще до вечера восьмого декабря.

Когда передовая чота отряда Артема приблизилась к окраинам села, то была обстреляна густым градом пуль. Потеряв одного из казаков, разъезд повернул назад и спешил в ложбинке перед селом. Позиция красных была довольно выгодной, они заняли оборону по краю сельского выгона. Рядом с выгоном проходила полевая дорога, которая вела с Бондуривки в село Овраги.

Командир чоты сразу же послал одного казака с донесением к атаману. Вокруг уже стемнело, хотя было только пять часов пополудни. Дорогу к селу и окружающие поля декабрьская погода припорошила-подморозила легким снеговым покровом. Зима явным образом вступала в свои безоговорочные права, не оставляя погоде ни одного теплого дня.

Услышав частые выстрелы, колонна остановилась на расстоянии одного километра от села в небольшом лесочке. В скором времени, один за одним, помчали гонцы к атаманам объединенного отряда с приглашением срочно прибыть на совещание к главному атаману.

Артем, спешившись со своего коня, присел на край одной из обозных телег, ожидая приближения атаманов. Ему было понятно, что на этот раз боя избежать не удастся. С одной стороны, впереди колонны расположился заслон красных, с другой стороны, позади колонны на ее пяты наступал 216-й полк красных. Выхода практически не было, нужно было вступать в бой.

Все атаманы собрались возле тележки за каких-то полчаса. Первой прискакала Маруся, потом Винтоненко с Якубенком. Последним прибыл атаман Лыхо. Спешившись, все атаманы расположились на обозной телеге рядом с Артемом. Первой вопрос задала, как это, наверное, и должно было быть, атаманша Маруся.

– Артем, мы слышали выстрелы со стороны села, что там произошло? – глотая слова от поспешности и волнения проговорила юная атаманша.

– А произошло то, что и должно было произойти, только вот не очень ожидаемо. Я пока что не знаю, кто нам преградил путь. Вполне возможно, что это местный милицейский отряд. Однако по обильности обстрела моего передового отряда, похоже на то, что там довольно значительное количество стрелков, – немного подумав, ответил Артем.

– Думаю, что нам нужно попробовать провести хорошую разведку, прежде чем принять какие-то меры к бою. А без боя, тоже нельзя – сзади на пяты наступает 216-й полк, который идет за нами из-под самого Гайсина, – продолжил свою мысль Артем.

Следующим слово взял атаман Лыхо:

– Панове атаманы, я поддерживаю мысль Артема, что нам придется вступать в бой, потому что иначе останемся и без обоза с провиантом и без пушек. Однако нужно срочно провести тщательную разведку и узнать, кто перед нами и сколько их. Я предлагаю разыскать в отрядах, и послать в разведку тех, кто родился, или жил в этом селе, или в селе Хвостивци – оно находится рядом.

Здесь в свою очередь подал голос атаман Винтоненко:

– А знаете, у меня в отряде есть один казак, на имя Охрим. Так он именно из села Овраги и есть.

Срочно послали посыльного за Охримом, который прибыл за каких-то десять минут. Когда Охрим подошел к атаманам, Артем произнес:

– Друже Охрим! Мы тебя позвали на помощь, потому что ты из села Овраги, которое перед нами. Ты, наверное, хорошо знаешь, как можно тихо проникнуть в село и узнать, кто нам перекрыл путь и сколько их там. Но нужно разведку провести очень осторожно и очень быстро, потому что позади нас полк красных.

Хмурый Охрим, который переживал от того, почему это он срочно понадобился атаманам, теперь повеселел и бодро ответил:

– Не сомневайтесь панове атаманы, здесь у меня много родственников и побратимов, через час-два будем все знать.

– Хорошо Охрим, ты же понимаешь, как мы на тебя полагаемся. Поэтому не позже чем через два часа ждем тебя с новостями, – закончил свою мысль Артем, – с Богом!

Охрим поднял руку к своей шапке и тихо исчез в сумерках. Атаманы тем временем разъехались по своим отрядам, проинформировали там старшин о планах атаманов, распорядились подготовиться к бою и спустя некоторое время вернулись к предыдущему месту сбора. Охрим прибыл даже чуть раньше назначенного времени. Отдышавшись, он начал свой рассказ:

– Панове атаманы, к сожалению, перед нами не просто милицейская застава. Милиция находится рядом в селе Хвостивци в доме сельского совета. Их там шестеро, что тоже достаточно для того, чтобы нас хорошо пострелять, когда мы будем проходить через село. А перед нами регулярная рота 216-го полка, которая была срочно сегодня переброшена из-под Гайсина, чтобы организовать нам здесь засаду. И они это успели сделать. В роте, по оценкам моих односельчан, около сотни бойцов, то они могут нанести нам ощутимые потери, особенно днем.

Услышав повествование Охрима, атаманы на некоторое время притихли. Каждый думал над тем, что можно сделать, для того чтобы потери объединенного отряда были по возможности меньшими. Первой, как всегда, отозвалась Маруся:

– Охрим, а по твоему мнению, что нам нужно было бы сделать?

Охрим немного помолчал, почесал затылок узловатыми крестьянскими пальцами, а потом потихоньку произнес:

– Я, конечно, только простой казак, но на месте панов атаманов, не ждал бы утра, а напал бы на тех краснозых прямо сегодня вечером, когда они этого не очень ожидают.

– Хорошо Охрим, благодарим за разведку и твой совет. Теперь ты можешь, пока что быть свободным, но находишься где-то недалеко, потому что скоро нам можешь понадобится, – произнес Артем.

На время над обозной телегой воцарилась хрупкая тишина. Все призадумались над планом боя. Затем слово взял атаман Лыхо:

– Панове, думаю, Охрим прав, надо использовать фактор неожиданности. Напасть на красных нужно, когда стемнеет, обойдя их потихоньку со всех сторон. И начать баталию нужно только после того, как их обстреляет наша батарея. Хотя оно и почти темно, но мы имеем хороших пушкарей, и, думаю, даже в это время они красных шрапнелью плотно накроют, – атаман Лыхо замолк и вопросительно посмотрел на Артема.

Несмотря на то, что он и был выше по должности и званию в армии УНР, однако имел значительно меньший боевой опыт и не принимал участия в Ноябрьском походе Действующей армии УНР 1920-го года.

– Я тоже считаю, панове-атаманы, что именно так нужно и сделать. Но, одновременно необходимо нейтрализовать милиционную залогу в Хвостивцах, потому что они, услышав бой, устроят нам затем хорошую засаду, – подвел итоги по разработке плана действий главный атаман объединенного отряда.

– Пошлем в Хвостивци Охрима с десятком пеших казаков из моего отряда, – добавил свое предложение к общему плану и Винтоненко.

По завершению совета атаманы решили, что окружение роты красных со стороны поля берет на себя атаман Лыхо, в отряде которого есть много пеших казаков. А атаманы Артем и Маруся со своими конными казаками нападут на красных со стороны дороги одновременно с казаками Лыхо. Нападение состоится сразу же по завершению шестнадцатого выстрела батареи из восьми пушек. Пушки откроют поочередно огонь ровно в десять часов вечера, тогда когда все бойцы выйдут на исходные позиции.

В дальнейшем местные газеты сообщили, что в ночь на девятое декабря 1920-го года в селе Овраги (теперь это село Ковалевка Немировского района) повстанцами было уничтожено шестнадцать бойцов 216-го полка 24-й дивизии. Одновременно в селе Хвостивци (ныне – тоже село Ковалевка того же района) повстанцы побили, а потом отпустили шесть милиционеров.

В тот же день повстанцы проходили через села Головеньки, Боблив, Байракивку, Луку-Немировскую, Никифоровици в направлении села Колюхов. Согласно официальным источникам, «никаких убытков... бандиты не нанесли. Насилия над населением со стороны банды не было» [6].

Чтобы добраться до села Колюхов нужно было переправиться на противоположную сторону реки Южный Буг. Эта река начинается в Хмельницкой области, протекает через Винницкую, Кировоградскую, Николаевскую области и, образовав широкое устье, впадает в Черное море за шестьдесят километров от города Николаев. Возле села Никифоровици река уже довольно широкая и глубокая. И хотя к тому времени она местами затянулась льдом, однако было бы очень неосмотрительно рассчитывать переправиться по тому льду на противоположный берег. Поэтому и взял Артем, который вырос в этих местах, направление на паромную переправу, которая находилась между селами Никифоровици и Колюхов.

Село Колюхов расположилось на расстоянии около полутора километра от реки Южный Буг [7]. В эту реку впадает крошечный приток, который начинается почти в центре села с небольшого источника. По пути протекания речушки в направлении к Южному Бугу сельской властью, со временем, были построены широкие плотины, вследствие чего образовалось несколько прудов. В начале двадцатого столетия в селе числилось три пруда, потом со временем их количество увеличилось вдвое.

Название села «Колюхов», судя по всему, происходила от слова «колюхи». Так от переправы через реку Южный Буг к селу пролегает полевая дорога, возле которой когда-то росли густые заросли дикого терна. Эти заросли были покрыты колючками до такой степени, что продаться через них было почти невозможно. Наверное, именно поэтому в этих зарослях и поселились первые жители с тем, чтобы найти хоть какое-то убежище от частых набегов татар. Со временем эти заросли понемногу начали исчезать и теперь тяжело найти даже их следы.

Через реку Южный Буг в ее узкой части, была налажена переправа к селу Никифоровици с помощью парома. Возле переправы со стороны Колюхова находится довольно глубокое озеро-старица, которое соединяется небольшой протокой с рекой. Вода в озере была такой прозрачной, что местами просматривалось дно со стайками игривых рыбок, которые шмыгали со стороны в сторону, разыскивая себе поживу.

Через паромную переправу крестьяне окружающих сел Колюхова, Соколинец, Канавы и Дзвоники часто ездили на рынок в город Немиров и также к центру уезда городка Брацлав. Для того, чтобы не приходилось долго ожидать встречных путешественников, на переправе почти постоянно находился паромщик. Оплату за свою работу он получал от тех людей, которых переправлял через реку. На холме возле переправы был выкопан земляной шалаш, в котором устроили хорошую дровяную печку. Это позволяло паромщику находиться на переправе также и в холодные осенние и весенние месяцы. Зимой река перемерзала, и тогда через нее ездили санями и ходили пешком.

Паром приводился в движение паромщиком и людьми, которые переправлялись через реку. Для этого на металлический трос, который закреплялся на столбах, установленных на противоположных берегах реки, и проходил через два столба расположенных на одной из сторон парома, надевался специальный повод. Повод был в виде деревянной рукоятки с отверстием, через которое продевался трос. Повод легко передвигался по тросу при перпендикулярном положении к нему. Когда повод заворачивали под углом к тросу, то его сцепление с ним становилось настолько жестким, что можно было тянуть паром по воде в нужном направлении. Паром имел вид большого деревянного квадратного корыта с настланной сверху деревянной палубой. Размеры сторон этого корыта достигали десяти метров, что позволяло перевозить на нем не только людей, но также скот, коней и телеги.

На окраине села, со стороны реки Буг, находилась усадьба профессора психоневрологии Николая Попова. Дом профессора стоял на въезде к усадьбе, которая вокруг была обсажена

дубами, опоясана неглубоким рвом и ограждена колючей проволокой. Усадьба была хорошо благоустроена и занимала площадь около десяти гектаров. Половина этой площади была засажена молодым садом, а вторая половина использовалась под разные овощи. Профессор практически в усадьбе не проживал и приезжал из Одессы только на отдых. Когда все же находился в усадьбе, то к больным не ходил, как его не приглашали. Лечили односельчан его жена, которая почти постоянно жила в усадьбе, и экономка Антонина Вертальская, получая за свои услуги признательность от крестьян продуктами. Перед самой революцией в конце усадьбы был построен новый двухэтажный дом. К новому дому от старого, со стороны села, была проложена широкая дорога, обсаженная с обеих сторон ароматными липами.

Почти в самом центре села находился дом местного малопоместного помещика Врублевского. Он был расположен на холме возле большого пруда рядом с дорогой, которая вела к соседнему селу Канава. Дом помещика был одноэтажным, добротно построенным из кирпича местного производства. Перед домом находилась небольшая площадь, на которой рослая старая сосна метров с тридцать высотой и метров с четыре в обхвате.

На противоположной к реке Южный Буг стороне села, возле дороги, в направлении к селу Соколинцы, находилось сельское кладбище. Перед кладбищем на довольно большой площади была построенная деревянная церковь, в которой местный люд как начинал свое путешествие в жизнь обрядом крещения, так и заканчивал ее по пути на погост.

Село Колюхов принадлежало к Брацлавскому уезду и славилось возделыванием табака. Табак – теплолюбива культура, поэтому садили его крестьяне весной рассадой, которую получали из парников. В открытый грунт рассадку табака высаживали рядами на расстоянии полметра в междурядьях и до двадцати сантиметров в ряду. Высота растений достигала двух-трех метров. Листья на растениях вырастало роскошное, фикусоподобное в несколько рядов. Крестьяне его срывали, надевали на веревки, развешивали и сушили на солнце. Потом хорошо высушенную листву, сложенную слоями, резали ножом на тонкие полоски. Часто табак у крестьян оптом закупали евреи, которые держали табачные фабрики. Они хорошо платили за то золотыми карбованцами. Эти карбованцы понемногу прятались на черный день, как универсальная валюта, которая имела свою цену при любой власти.

Когда объединенный отряд переправился через реку, то, расспрашивая встречных крестьян, которые ехали к городку Немиров, Артем узнал, что в Колюхове находится небольшой отряд из пяти красноармейцев. Этот отряд размещался в доме помещика Врублевского и, судя по рассказам крестьян, не очень заботился тем, чтобы организовать надлежащую охрану.

Красноармейцы имели на своем вооружении, кроме винтовок еще и ручной пулемет «Льюис», а потому было неосмотрительно вступать с ними в открытый бой.

Получив эту информацию, Артем дал команду колонне остановиться в небольшом лесу, который находился почти возле реки за озером-старицей. Передав руководство колонной объединенного отряда атаману Лыхо, Артем отделил из своего отряда десять казаков, один из которых был местным жителем, и с ними отправился в сторону Колюхова. Артем и сам довольно неплохо знал окружающие места, тем более что в Колюхове проживала его родная сестра Татьяна, которая недавно вышла замуж за жителя этого села Ивана Кулибачука.

До революции Татьяна служила в Одессе прислугой в профессора Николая Попова. Когда профессор во время революции подался в Францию, Татьяна вернулась домой и вскоре вышла замуж за Ивана.

Уже стемнело, поэтому Артем рассчитывал в этих сумерках потихоньку подойти к дому Врублевского и, напав на красноармейцев неожиданно, разоружить их. Так оно и произошло. Отряд вошел в село со стороны нового дома профессора, потом прошел по окраинной улице, которая носила название Усадьбы, и, промелькнув напрямик через огородные участки крестьян и первую прудовую плотину, вышел возле усадьбы Врублевского.

Одно из окон дома помещика было ярко освещено керосиновой лампой, которая стояла прямо на подоконнике. Заглянув через это окно вглубь дома, Артем увидел за столом в прихожей пятерых красноармейцев, которые мирно ужинали. Они даже не выставили внешней охраны, рассчитывая на то, что ночью повстанцы нападать не станут. Атаман дал команду двум казакам стать с винтовками к окну, двое других взяли под наблюдение подходы к дому со стороны площади и улицы. После этого, во главе других шести казаков, с маузером в руках Артем ворвался в дом с громким воплем:

– Всем руки вверх! Бросить оружие и без шуток, потому что буду стрелять без предупреждения.

Красноармейцы, неожиданно застигнутые повстанцами за ужином, послушно подняли вверх руки с затиснутыми у них ложками и горбушками хлеба и дрожали от страха, ожидая выстрелов. Однако Артем решил их не убивать, а только дал распоряжение закрыть пленных в хозяйственном помещении и выставил охрану. После этого он послал гонца к атаману Лыхо с вестью, что село освобождено от большевиков и колона может расквартировываться в нем на ночевку.

Вскоре основная часть объединенного отряда была размещена в новом доме и других хозяйственных строениях усадьбы профессора Попова. Отряд Артема расположился лагерем в доме пана Врублевского. Атаман дал распоряжение своему помощнику выставить на ночь охрану вокруг дома помещика. Сам же Артем решил на время зайти к сестре Татьяне, а затем заночевать до утра в родительском доме, который находился недалеко в селе Соколинцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.